

Александр Пушкин

Борис Годунов

Трагедия

Капитанская дочка

Повесть

ПОЛКА

альпина
ПРОЗА

Москва, 2023

Иллюстрация на фронтисписе:
Александр Пушкин. Гравюра Василия Матэ.
1899 год

*Текст печатается по изданию: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений
в 19 томах. Т. 7; 8, кн. 1. — М.: Воскресенье, 1995.*

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)
П91

Пушкин А.

П91 Борис Годунов. Капитанская дочка / Александр Пушкин. —
М.: Альпина Паблишер, 2023. — 250 с. : ил. — (Серия «Главные книги
русской литературы»).

ISBN 978-5-9614-8483-0

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)

ISBN 978-5-9614-8300-0 (серия)
ISBN 978-5-9614-8483-0

*Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая
размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ
для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца
авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке
издательства обращайтесь по адресу publib@alпина.ru.*

© Пильщиков И., предисловие, 2022
© Сапрыкин Ю., предисловие, 2022
© ООО «Альпина Паблишер», 2023

Предисловие «Полки»

*Историческая драма о Смутном времени —
и главная русская историческая драма вообще.
Опираясь на Шекспира и Карамзина, Пушкин
смешивает языки и стили и открывает
в русской истории глубокую психологическую
проблематику.*

Игорь Пильщиков

Россия, рубеж XVI–XVII веков. После шести лет правления Бориса Годунова в стране зреет Смута: появляется самозванец, беглый монах Григорий Отрепьев, который выдает себя за сына Ивана Грозного — царевича Димитрия, убитого по приказу Бориса. Самозванец при поддержке поляков идет войной на Москву. Борис умирает; бояре, убив царицу и наследника, объявляют новым царем Самозванца. Смысл пушкинской трагедии не только и не столько в переносе на сцену подлинных исторических событий, сколько в постановке на историческом материале универсальных, «вечных» вопросов — политических (допустима ли узурпация власти?), моральных (можно ли творить добро, совершив единожды зло?) и психологических (какова цена раскаяния за содеянное?).

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Пушкин начал работу над трагедией в декабре 1824 года, находясь в ссылке в Михайловском. Ранняя редакция, первоначально озаглавленная «Комедия (!) о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве», была завершена 7 ноября 1825 года, о чем Пушкин сообщил князю Петру Андреевичу Вяземскому: «Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, бил в ладоши и кричал: ай да Пушкин, ай да сукин сын!»¹

На этот вопрос ответил сам Пушкин: «Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе Отца нашего — Шекспира»². Правда, в середине 1820-х годов Пушкин еще не мог читать произведения Шекспира по-английски в силу слабого знания языка и знакомился с ними по французскому переводу Пьера Летуриэра, который впоследствии признал несовершенным³. Трагедия в духе Шекспира, чей культ провозгласили романтики, в жанровом сознании Пушкина и его современников была противопоставлена классицистской трагедии, высшие образцы которой они находили в творчестве Жана Расина. Пушкин специально подчеркивал «важную разницу между трагедией народной, Шекспировой, и драмой придворной, Расиновой»⁴.

Говоря о влиянии Шекспира, Пушкин заявляет, что он «принес ему в жертву пред его алтарь» не только три «классические единства», но и «единство слога — сего 4-го необходимого условия французской трагедии»⁵. Пушкин стремился максимально расширить экспрессивный диапазон литературного языка и даже считал возможным выходить за его пределы. В «Борисе Годунове» сталкиваются языковые стили, несовместимые с точки зрения эстетики классицизма. С одной стороны, это стихия «высокой» поэзии — торжественные церковнославянизмы, вкрапления летописных старорусских оборотов:

...К его одру, царю едину зримый,
 Явился муж необычайно светел,
 И начал с ним беседовать Феодор
 И называть великим патриархом.
 И все кругом объаты были страхом,
 Уразумев небесное виденье,
 Зане святой владыка пред царем
 Во храмине тогда не находился.

С другой стороны, это «низкая» прозаическая стихия: бытовое просторечие и даже вульгарная лексика⁶. В начале марта 1826 года Пушкин писал Плетнёву из Михайловского: «В моем “Борисе” бранятся по-матерну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу»⁷. В печатном тексте пьяный монах Варлаам говорит: «Отстаньте, пострелы!»; сейчас печатают по рукописи: «Отстаньте, сукины дети!» — но в первоначальном варианте у Пушкина было еще грубее: «Отстаньте, б... дети»⁸ (это выражение, встречающееся и у протопопа Аввакума, по всей видимости, попало к Пушкину из летописной цитаты у Карамзина).

В классической трагедии все это было немислимо. Чтобы осознать это, достаточно сравнить «Бориса Годунова» с образцовым театральным произведением русского классицизма — трагедией Александра Сумарокова «Димитрий Самозванец» (1771), где Самозванец в первой реплике рекомендует себя так: «Зла фурия во мне смятенно сердце гложет, / Злодейская душа спокойна быть не может», — а положительный герой Пармен, спасая из рук Лжедмитрия Ксению Годунову, объявляет в конце: «Избавлен наш народ смертей, гонений, ран, / Не страшен никому в бессилии тиран»⁹.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

На три главных источника «Бориса Годунова» указал сам автор: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. ... Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов, Карамзину следовал я в... развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени. Источники богатые! умел ли ими воспользоваться — не знаю, — по крайней мере, труды мои были ревностны и добросовестны»¹⁰. Пушкин полагал¹¹, что читать его трагедию следует, лишь «перелистав последний том Карамзина»,

Неизвестный художник.
 Царь Борис Федорович Годунов. XVIII век

поскольку «она полна славных шуток (bonnes plaisanteries) и тонких намеков (allusions fines) на историю того времени... Необходимо понимать их, это sine qua non*¹». Лингвист и пушкинист Григорий Винокур заметил, что влияние Карамзина (чьей «драгоценной для россиян памяти» посвящена трагедия) на Пушкина имело не только документальный, но и литературный характер: Пушкин имитировал не только стиль летописных и житийных цитат, но и стиль карамзинского повествования¹².

Ещё один возможный источник — дума Кондратия Рылеева «Борис Годунов» (1821–1822): в ней, как позже у Пушкина, царь Борис — мудрый правитель и в то же время преступник-убийца, мучимый нечистой совестью¹³. Это убедительное сопоставление, предложенное историком литературы Василием Сиповским, самому Пушкину вряд ли бы понравилось: он считал¹⁴, что рылеевские «Думы дрянь и название сие происходит от немецкого dumme [т.е. «глупый»]».

Имеются и локальные влияния — заимствования характеров, положений, микросюжетов. Например, сцена, в которой Отрепьев, зачитывая бумагу, диктует приставам чужие приметы вместо своих, заимствована из либретто оперы «Сорока-воровка» Джоакино Россини — одного из любимых композиторов Пушкина¹⁵.

Наконец, общим интересом к исторической тематике в художественной

литературе пушкинская эпоха обязана Вальтеру Скотту и его историческим романам.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Не получив от Николая I разрешения на публикацию и постановку пьесы, Пушкин напечатал несколько сцен в журнале и альманахах в 1827–1830 годах. Собираясь жениться на Наталье Гончаровой, поэт по совету друзей вновь обратился к царю за разрешением опубликовать трагедию, мотивируя эту просьбу необходимостью поправить свое материальное положение. На этот раз разрешение было получено. Император через графа Бенкендорфа*² разрешил автору опубликовать трагедию «под его собственной ответственностью» («sous votre propre responsabilité») ¹⁶. Книга вышла в свет 22–23 декабря 1830 года, на обложке и титульном листе выставлен 1831 год. Книга продавалась по 10 рублей ассигнациями. Автор получил за нее гонорар в размере 10 тысяч рублей¹⁷.

До 1866 года «Борис Годунов» был запрещен цензурой к постановке на сцене. Первая постановка состоялась 17 сентября 1870 года на сцене Мариинского театра в Петербурге — силами актеров Александринского театра. В современных изданиях «Бориса Годунова» окончательная редакция трагедии дополнена

*¹ Необходимое условие (*лат.*).

*² Александр Христофорович Бенкендорф (1782–1844) — государственный деятель и военачальник. Был флигель-адъютантом при императоре Александре I во время Отечественной войны 1812 года, участвовал в заграничных походах 1813–1814 годов. В 1826 году Николай I назначил Бенкендорфа шефом жандармов и начальником новообразованного III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

сценой на Девичьем поле, взятой из рукописной редакции: предполагается, что она была исключена Пушкиным при подготовке издания 1831 года по цензурным причинам. Это привело к механическому соединению двух редакций в тексте, который долго воспроизводился как канонический¹⁸. Редакторы нового академического собрания отказались от этого текстологического решения¹⁹.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Публикация отрывков из «Бориса Годунова» вызвала огромный интерес, почти ажиотаж — «величайшее волнение в нашем литературном мире», по словам Белинского²⁰. Даже Фаддей Булгарин, ссора с которым уже назревала, перепечатал в «Северной пчеле»^{*1} сцену на литовской границе: эту сцену он счел «совершенством по слогу, по составу и по чувствам»²¹. Степан Шевырѐв писал: «Нужно ли повторить перед Пушкиным, что все с нетерпением ожидают появления “Бориса”?»²² Николай Надеждин с неудовольствием замечал, что трагедия успела, того не заслуживая, «изжить огромную славу еще до своего появления», и советовал Пушкину «сжечь “Годунова” и — докончить “Онегина”»²³.

В первом номере «Литературной газеты» за 1831 год (от 1 января) ее издатели Антон Дельвиг и Орест Сомов сообщали:

«“Бориса Годунова”, соч. А. С. Пушкина, в первое утро раскуплено было, по показаниям здешних [петербургских] книгопродавцев, до 400 экземпляров»²⁴. Однако ожидания публики не оправдались. По выходе отдельного издания критики почти единогласно объявили трагедию неудачной. Некоторые рецензии даже были грубо ругательными. Пушкин начал выходить из моды; издатель «Северного Меркурия» Михаил Бестужев-Рюмин встретил «Годунова» следующим «куплетцем»:

*И Пушкин стал нам скучен,
И Пушкин надоел,
И стих его не звучен,
И гений охладел.
Бориса Годунова
Он выпустил в народ.
Убогая обновя,
Увы! на Новый год!*

Однако и более серьезные критики были недоброжелательны. Критик и писатель Николай Полевой, указав, что «образцом его [Пушкина] была Шекспирова историческая драма» (т. е. хроники)²⁵, был тем не менее возмущен, что Пушкин вслед за Карамзиным оклеветал Бориса. Это обвинение, считал Полевой, не только антиисторично, но и антипоэтично: «Как мог Пушкин не понять поэзии той идеи, что история не смеет утвердительно назвать Бориса царевубийцею!»²⁶ По мнению критика,

^{*1} Проправительственная газета, издававшаяся в Петербурге с 1825 по 1864 год. Основана Фаддеем Булгариным. Поначалу газета придерживалась демократических взглядов (в ней печатались произведения Александра Пушкина и Кондратия Рылеева), но после восстания декабристов резко изменила политический курс: вела борьбу с прогрессивными журналами вроде «Современника» и «Отечественных записок», публиковала доносы. Почти во всех разделах газеты писал сам Булгарин. В 1860-е новый издатель «Северной пчелы» Павел Усов пытался сделать газету более либеральной, но вынужден был закрыть издание из-за малого количества подписчиков.